

ЭЛИТНЫЙ КОМПЛЕКС СЮННУСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПАДИ ЦАРАМ (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Забайкальская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН в полевых сезонах 1998–2005 гг. проводила раскопки элитного комплекса погребений азиатских гуннов (сюнну) в пади Царам (Кяхтинский р-н Республики Бурятия). Комплекс состоял из центрального кургана (крупнейшего в России и одного из крупнейших в мире) и десяти сопроводительных захоронений с человеческими жертвоприношениями. В статье излагаются результаты раскопок центрального кургана: приводится подробное описание исследования конструкции намогильного и внутримогильного сооружений, дается характеристика комплектов погребального инвентаря, найденного в наружных и внутренних коридорах погребальной камеры. Описание деталей конструкций и находок сопровождается подробными иллюстрациями.

Ключевые слова: археология, сюнну, хунну, Центральная Азия, элитные курганы, Забайкалье, Царам.

Сюнну (хунну, или азиатские гунны) – скотоводческие племена, овладевшие в последние века до нашей эры огромными пространствами Центральной Азии. Объединение племен, сложившееся под властью сюнну, сыграло важнейшую роль в истории степного пояса Евразии. Сюннуские завоевания на рубеже III–II вв. до н.э. положили конец «скифскому» периоду в развитии этого региона и ознаменовали наступление эпохи, которая стала связующим звеном между первобытностью и цивилизацией. В рамках племенного союза, влияние которого распространялось от Енисея до Маньчжурии и от плато Ордос до Байкала, за короткое время сложились новые формы материальной культуры и общественных отношений, бытовавших затем на протяжении длительного периода.

Археологические памятники сюнну, впервые обнаруженные в 1896 г. известным исследователем Забайкалья Ю.Д. Талько-Гринцевичем около г. Кяхта [1999], распространены в Монголии и Забайкалье; они представлены погребениями, открытыми поселениями и укрепленными крепостями. Изучение этих объектов ведется более 100 лет в основном в России, на юге Западного Забайкалья. В последние годы благодаря исследованию опорных памятников (Иволгинское городище, Иволгинский могильник,

поселение Дурёны, Дырестуйский могильник) материальная культура сюнну предстала во всем многообразии [Давыдова, 1995, 1996; Миняев, 1998; Давыдова, Миняев, 2003].

До недавнего времени оставались неисследованными захоронения высшей знати сюнну. Впервые попытки провести раскопки таких объектов предпринял в Забайкалье Ю.Д. Талько-Гринцевич, но они закончились неудачей: в ходе раскопок «колодцем» стенки шурфа обвалились, и работы пришлось свернуть. В 1924–1925 гг. члены Монголо-тибетской экспедиции П.К. Козлова, укрепив старые грабительские ходы, проникли в несколько курганов в горах Ноин-Ула на севере Монголии и извлекли оттуда серию золотых, серебряных и бронзовых предметов, а также фрагменты ковров и шелковых тканей. Однако конструкция курганов и устройство внутримогильных сооружений не были изучены. Лишь в последние годы благодаря работам российских и зарубежных археологов в Забайкалье и Монголии стало возможным получить принципиально новые данные о погребальной практике сюнну.

Забайкальская экспедиция Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН в последние годы вела систематические работы на одном из могильни-

ков сюнну в пади Царам (в 1,5 км южнее пос. Наушки в Кяхтинском р-не Республики Бурятия; рис. 1). Захоронения в этой местности были обнаружены в июне 1899 г. известным исследователем Забайкалья Ю.Д. Талько-Гринцевичем; он зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». Пять из них в июне 1903 г. были раскопаны им совместно с Я.С. Смолевым [Талько-Гринцевич, 1999, с. 93, 117–112]. Все могилы оказались разграбленными; полученные находки были крайне немногочисленны: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагмент бронзовой накладки и обломки нескольких сосудов. По особенностям внутримогильных конструкций Ю.Д. Талько-Гринцевич отнес эти погребения к выделенному им типу «захоронений в срубах», которые он интуитивно правильно отождествлял с погребениями азиатских гуннов – хунну, или сюнну.

Результаты детального обследования, проведенного Забайкальской экспедицией ИИМК РАН, топографический план и данные обмеров намогильных сооружений памятника показали, что в пади Царам сосредоточены одни из наиболее крупных среди известных ныне погребальных сооружений сюнну. Вполне очевидно, что в пади Царам находилось

элитное кладбище высшей сюннуской знати, погребальные сооружения которой до недавнего времени оставались практически неисследованными. Работы экспедиции в пади Царам были спланированы с учетом особенности планиграфии сюннских могильников, которая демонстрирует отчетливую тенденцию к размещению захоронений в погребальных комплексах, состоящих из центрального кургана и расположенных вокруг него по определенной системе сопроводительных захоронений. Ряд данных позволяет сделать вывод, что в таких захоронениях погребены лица, умершие насильственной смертью и, вероятно, «сопровождавшие» своего хозяина в потусторонний мир [Миняев, 1985, 1998].

Основные исследования проводились в северной части пади, где располагался один из крупнейших курганов сюнну, известных в настоящее время. Большие размеры кургана, сложная погребальная конструкция, обилие в инвентаре престижных изделий позволяют предположить, что он представляет собой захоронение одного из сюннских вождей (шаньюев). Заложенный раскоп охватил как сам курган, так и площадь вокруг него, где, учитывая выходы отдельных камней, возможно, находились небольшие захоронения с разрушенной намогильной кладкой. Общая площадь раскопа составила 7 700 м². Кроме центрального кургана, на этом участке обнаружено и исследовано десять сопроводительных погребений со следами человеческих жертвоприношений. Они образовывали две линии – с западной и восточной стороны от кург. 7, – в каждой по пять захоронений, и, несомненно, представляли собой единый с этим объектом комплекс. Материалы раскопок сопроводительных захоронений опубликованы [Миняев, Сахаровская, 2002]; в данной статье рассматриваются материалы исследования центрального кургана комплекса (в последовательной нумерации объектов могильника имеет порядковый номер 7). Работы на кургане позволили получить принципиально новые данные о погребальном обряде сюнну*.

На поверхности кург. 7 был выражен насыпью размерами 32×32 м, высотой ок. 1,5 м; в центре насыпи находилась западина глубиной 2,5 м. С южной стороны насыпи прослеживалось возвышение трапециевидной формы длиной 20 м, полого понижавшееся к югу. Все намогильное сооружение состояло из смеси гумусированной почвы, суглинка и супеси и было покрыто тонким слоем переотложенного желтого материкового суглинка. По периметру насыпь окружали невысокие стены – каменные плиты, поставленные вертикально в один-два ряда. Некото-

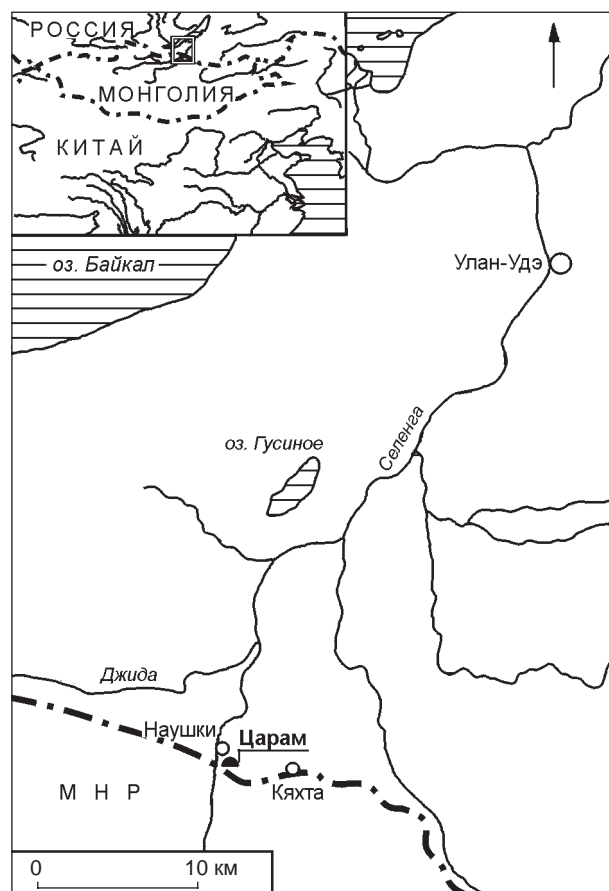

Рис. 1. Карта-схема расположения могильника Царам.

*Исследование памятника финансировалось Российским гуманитарным научным фондом, ИИМК РАН и Национальным географическим обществом США.

рые такие же плиты, узкие и длинные, изначально использовались, видимо, как своеобразные стелы; они стояли вдоль северной и южной стенок кургана. Верхний контур могильной ямы практически совпадал с границами намогильного сооружения; размеры ямы по этому контуру составляли 29×26,5 м.

В верхней части могильной ямы была расчищена внутримогильная конструкция, которую условно можно назвать деревянной клетью. Она состояла из сложенных один над другим сосновых бревен*, которые образовывали одну продольную и семь перпендикулярных к ней перегородок. Продольная перегородка проходила через всю яму и дромос в направлении с севера на юг и разделяла яму и дромос на западную и восточную части. Поперечные перегородки располагались только в могильной яме асимметрично по отношению к продольной перегородке: четыре перегородки зафиксированы в западной половине могильной ямы и три – в восточной. В целом данная конструкция из одной продольной и семи поперечных перегородок делила верхнюю часть ямы на девять отсеков.

При расчистке деревянной «клетки» под бревнами второго уровня продольной перегородки на глубине 218 см от репера кургана были обнаружены десять фрагментов ханьского зеркала, лежавших *in situ*: шесть фрагментов один под другим и еще четыре – рядом с ними. Эти обломки не позволяют составить целое зеркало, но дают возможность реконструировать его размеры и орнамент (рис. 2). Можно предположить, что во время погребальной церемонии над рассматриваемым зеркалом совершался особый обряд, который, вероятно, был нормой погребальной практики сюнну в целом. В ходе этого обряда зеркало подвергалось механическому (или температурному) воздействию и раскалывалось. Один или несколько его фрагментов «сопровождали» умершего в потусторонний мир, другие части зеркала изымались и, возможно, хранились в семье или у родственников покойного [Миняев, Сахаровская, 2007].

Ниже деревянной «клетки» были расчищены и зафиксированы четыре перекрытия могильной ямы. Верхнее перекрытие состояло из крупных каменных плит, уложенных на сосновые бревна, которые перекрывали всю могильную яму с севера на юг (рис. 3). Под бревнами находился слой тростника. Второе перекрытие располагалось ниже первого на 120–150 см и состояло из уложенных встык каменных плит, под которыми отмечен также слой тростника. Третье перекрытие было многослойным: крупные каменные плиты размерами в среднем 100×70 см, слой древесного

Рис. 2. Ханьское зеркало из кург. 7.

Рис. 3. Первое перекрытие могильной ямы, вид с севера.

угля и речной гальки, слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек, слой крупной щебенки. Четвертое перекрытие было также многослойным: крупные каменные плиты размерами в среднем 80×60 см, слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек, слой крупной речной гальки, слой крупного щебня, слой мелкого древесного угля. После

*Определения пород дерева произведены канд. биол. наук, ст. науч. сотрудником Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой, которой автор выражает искреннюю признательность.

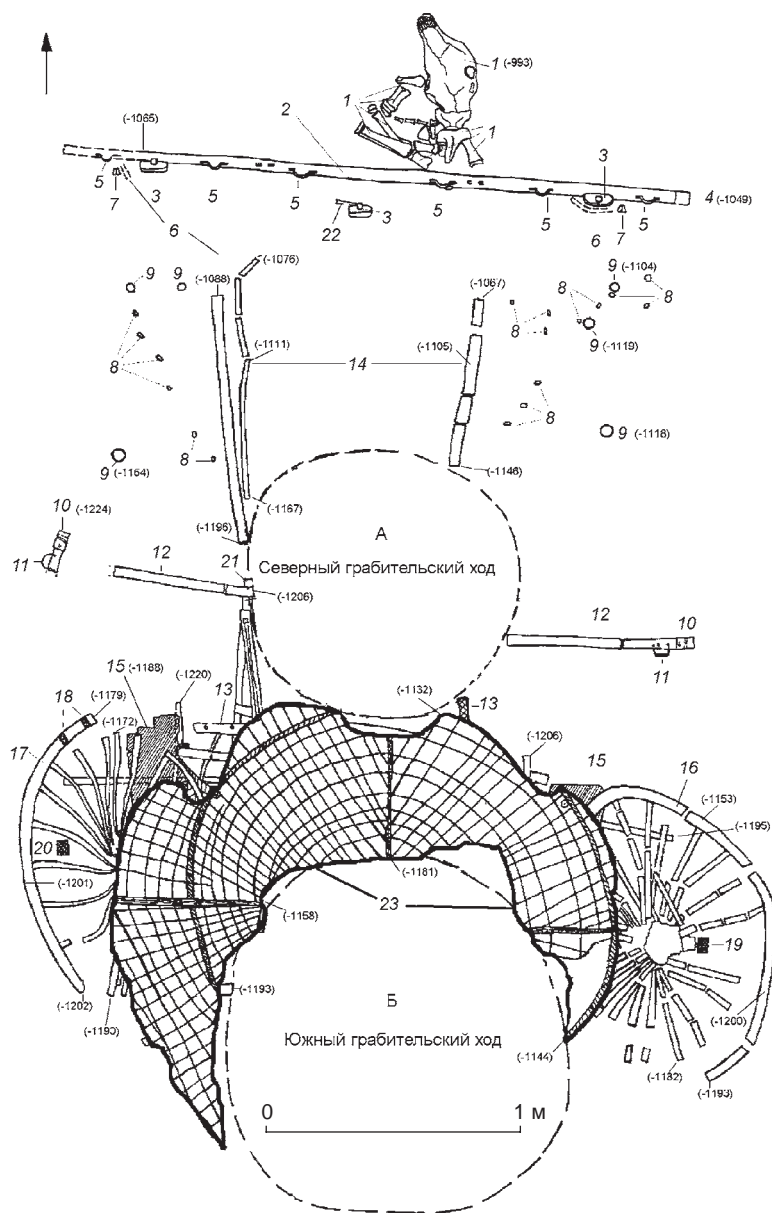

Рис. 4. План остатков тента и корпуса колесницы.

Цифры в скобках – нивелировочные отметки.

1 – кости лошади (череп и метаподии); 2 – передняя яремная жердь; 3 – яремные наверхия; 4 – бронзовый наконечник яремной жерди; 5 – бронзовые дуги; 6 – остатки тонких круглых деревянных жердей; 7 – прямоугольные железные пряжки; 8 – железные бляшки; 9 – железные кольца; 10 – бронзовые наконечники задней яремной жерди; 11 – железные дуги; 12 – задняя яремная жердь; 13 – остатки решетчатого корпуса колесницы; 14 – оглобли; 15 – подлокотники сиденья; 16 – восточное колесо; 17 – западное колесо; 18 – железные скобы; 19, 20 – малые железные втулки; 21 – железная пластинка; 22 – кости ягненка; 23 – тент повозки.

расчистки третьего и четвертого перекрытий стали очевидными различия между их западной и восточной частями. Они проявились в цвете и структуре каменных плит: в западной части указанные перекрытия состояли из плит светло-серого песчаника, в восточной – из светло-розовых валунов.

При разборе третьего и расчистке четвертого перекрытий в центре кургана были обнаружены детали колесницы (тент, колеса, наосьники, втулки для колес, деревянные лакированные части дышла с орнаментом). Расположение этих деталей позволяет предположить, что колесница была поставлена в северной половине могильной ямы на плиты четвертого перекрытия и затем засыпана землей, вынутой при рытье ямы, а также щебнем, галькой, углем и покрыта плитами третьего перекрытия [Миняев, Сахаровская, 2006]. Сохранность деталей колесницы была чрезвычайно плохой – деревянные части и органический материал тента практически полностью сгнили, бронзовые и железные детали сильно окислились, многие из них утратили первоначальную структуру и сохранились фрагментарно (рис. 4–6). В центральной части могильной ямы прослеживались два грабительских хода, частично разрушивших центральную клетку, перекрытия и колесницу. Общая глубина могильной ямы от поверхности кургана составила 17 м.

Внутримогильное сооружение состояло из тройной погребальной камеры (наружный сруб, внутренний сруб и гроб), заключенной в саркофаг из крупных каменных плит (рис. 7); четвертое перекрытие ямы фактически служило каменной крышей такого саркофага. Стенки наружной камеры образовывали бруссы, сложенные в семь венцов; общая высота камеры ок. 170–180 см. Продольные и поперечные бруссы соединялись между собой способом в замок, при этом врезы для соединения делались сплошными, на всю высоту бруса. Дополнительных креплений венцов бруссов между собой не зафиксировано.

Потолок камеры состоял из досок, расположенных в направлении запад – восток. Доски шириной 20–35 см были положены встык; каких-либо приспособлений для скрепления их между собой или с верхними венцами камеры не обнаружено. Доски потолка опирались по краям на верхние венцы сруба, а в середине – на три потолочные балки, которые располагались по линии север – юг на равном расстоянии друг от друга. Потолочные балки опирались на верхние венцы камеры, имевшие спе-

циальные врезы для крепления балок, и на колонны, установленные вдоль северной и южной стенок с внутренней стороны камеры. В северной части погребального сооружения вдоль стенки наружной камеры находились три колонны, еще три колонны – параллельно первым вдоль северной стенки внутреннего сруба. Вдоль южной стенки камеры располагались еще три аналогичные колонны. Таким образом, каждая из трех потолочных балок наружной камеры имела пять точек опоры: две – на северном и южном верхних венцах камеры (где концы балок вставлялись в специальные врезы), две – на северных и одну – на южных колоннах. Наружная камера стояла на полу из досок, уложенных по линии запад – восток. Доски пола опирались концами на деревянные «слоги», располагавшиеся у стенок могильной ямы с западной и восточной стороны.

Внутренний сруб сложен из пяти квадратных в сечении брусьев (размеры 20×20 см). Продольные и поперечные брусья были соединены друг с другом в замок, аналогично венцам наружной камеры. Как и наружная камера, сруб имел перекрытие из поперечных досок и дощатый пол также из поперечных досок.

Гроб, находившийся внутри сруба, был в значительной степени разрушен при создании южного grabительского хода и последующего обрушения камеры. Пол гроба и перекрытие предположительно состояли из двух продольных досок, каждая боковая стенка – из широкой доски.

Основной погребальный инвентарь размещался в наружных (между стенками ямы и камеры) и внутренних (между стенками сруба и гроба) коридорах. В результате обрушения внутримогильного сооружения и

Рис. 5. Орнамент на внутренней стороне тента колесницы.

Рис. 6. Бронзовые наосьники и железные чеки колесницы.

Рис. 7. Внутримогильное сооружение кург. 7.

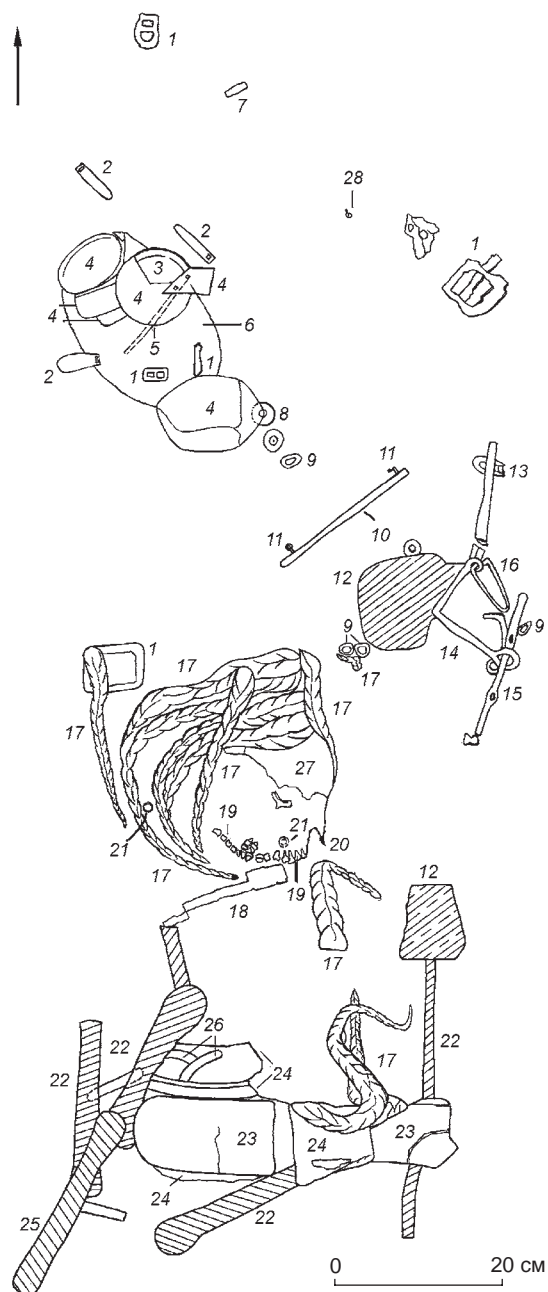

Рис. 8. План расположения куклы 1 (западный коридор).

1 – железные пряжки с поперечным язычком; 2 – железные наконечники ремней; 3 – бронзовое зеркало; 4 – берестяные туески и кружок; 5 – закладка для волос из рога; 6 – лакированная деревянная шкатулка или блюдо; 7 – фрагмент железного предмета; 8 – круглые железные бляшки; 9 – железные обоймы; 10 – деревянная палочка; 11 – яшмовая бусина; 12 – тонкая пластинка красного лака; 13 – кожаные ремешки; 14 – железные удила; 15 – железный псалий; 16 – железная рамка; 17 – косы; 18 – фрагмент нижней челюсти; 19 – зубы; 20 – кусочек слюды; 21 – круглые подвески из золотой фольги с инкрустацией бирюзой; 22 – деревянные лакированные палочки; 23 – железные пластины; 24 – кусочек кожи; 25 – железная пластина, покрытая красным лаком; 26 – железные кольца; 27 – фрагмент кости черепа с гипсовой обмазкой; 28 – железный винтик с кольцевидным навершием.

смещения венцов камеры и сруба многие комплекты инвентаря были деформированы и раздавлены; железные предметы (в основном детали конской сбруи) сильно окислились. Большую часть таких комплектов разобрать в полевых условиях не удалось.

Северный наружный коридор в значительной степени был разрушен при создании грабительского хода; здесь найдены только фрагменты керамики и лакированных деревянных предметов, железного предмета, а также отдельные кости животных, покрытые окислами бронзы.

Находки в западном наружном коридоре представлены скоплением железных предметов и двумя погребальными куклами с сопутствующим им инвентарем. В северо-западном углу коридора зафиксировано скопление железных предметов, включавшее, вероятно, железные удила и псалии, а также другие предметы, полностью покрытые соединившимися между собой окислами. В стенках наружной камеры отмечены железные крюки; возможно, на них висели уздечные наборы, которые оказались на полу после деформации камеры.

В центре западного коридора найдена погребальная кукла (кукла 1, северная). Ее голова изготовлена из черепа, судя по молочным зубам, ребенка 2–4 лет. На черепе куклы сохранились шесть кос из черного жесткого волоса, которые, вероятно, были прикреплены с помощью какого-либо клейкого вещества. Рядом с косами на черепе были подвески из золотой фольги с бирюзовыми вставками. Еще две косы находились перед и за черепом и две косы – в области пояса рядом с железными пластинами. Длинные конечности куклы моделировались в виде деревянных палочек, покрытых красным лаком (рис. 8).

Погребальный инвентарь куклы 1 состоял из двух разложившихся железных пластин пояса размерами 15×6 см (кожаная основа пояса находилась рядом с пластинами) и расположенной за головой куклы лакированной деревянной шкатулки, рядом с которой обнаружено четыре берестяных туеска (не исключено, что первоначально они были внутри шкатулки; рис. 9). Шкатулка покрыта красным лаком и по краям украшена аппликацией: геометрический узор из красного лака был наклеен на полосы желтого лака. Под шкатулкой обнаружена закладка для волос из органического материала (возможно, из черепашьяго панциря). Под берестяными туесками лежал берестяной круг, на котором найден фрагмент бронзового китайского зеркала. На одном из берестяных туесков изображено стойбище с юртами на колесах, на другом сохранилось профильное изображение головы человека в шлеме – вероятно, копия какой-либо монеты (рис. 10).

Сходным образом была смоделирована и другая кукла (кукла 2), обнаруженная в западном коридоре. Она лежала в 1 м южнее куклы 1. Основу куклы 2

Рис. 9. Лакированная шкатулка и берестяные тuesки у головы куклы 1.

Рис. 10. Изображения на берестяных тuesках.

также составлял человеческий череп, который полностью разложился. Сохранились лишь мелкие молочные зубы; их состояние позволяет предположить, что череп принадлежал младенцу в возрасте нескольких месяцев. За черепом лежала короткая коса из жестких черных волос. Верхних конечностей не зафиксировано, нижние конечности были сделаны из тонких железных пластин, помещенных в деревянный футляр и покрытых красным лаком.

Ниже черепа куклы 2 найдено ожерелье из стеклянных, бирюзовых, флюоритовых и крупных хрустальных бусин. В области пояса куклы отмечены две истлевшие железные пластины размерами 20×11 см; пластины лежали на кожаной основе пояса, которая сохранилась фрагментарно и местами была покрыта красным лаком. От кожаного пояса спускалась низка бусин, основу которой составляли практически

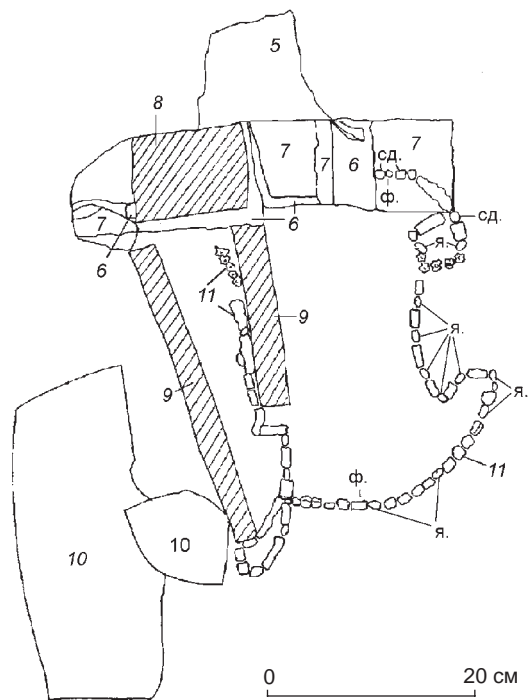
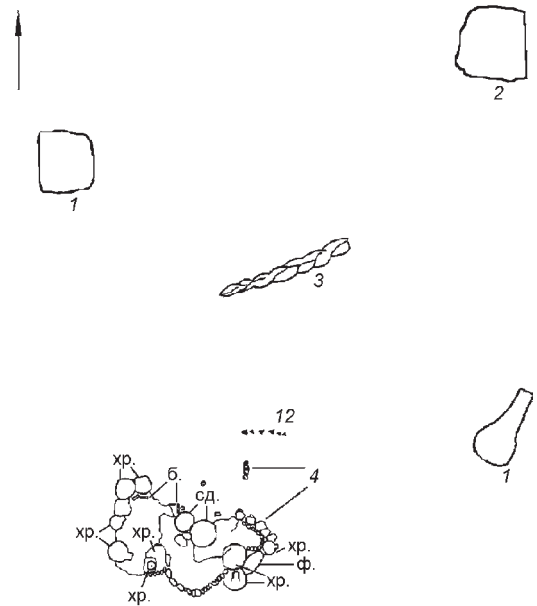

Рис. 11. План расположения куклы 2 (западный коридор).

1 – железные предметы; 2 – кусочек войлока (?); 3 – фрагмент косы; 4 – скопление бусин (сд. – сердолик, б. – бирюза, ф. – флюорит, хр. – хрусталь, остальное – стекло); 5 – кусочек кожи, покрытый красным лаком; 6 – кусочек кожи; 7 – железные пластины; 8 – деревянная лакированная пластина; 9 – железные пластины, покрытые красным лаком; 10 – фрагменты лакированного деревянного сосуда с надписью; 11 – низка бусин (сд. – сердолик, ф. – флюорит, я. – янтарь, остальное – стекло); 12 – зубы человека.

полностью разложившиеся стеклянные бусины. Обнаружены также сердоликовые, флюоритовые и янтарные бусины (рис. 11).

Ниже пояса куклы 2 под сместившимся венцом наружной камеры отмечены остатки раздавленного деревянного лакированного сосуда с геометрическим орнаментом. Внутри его находились фрагмент бронзового китайского зеркала, кусочек слюды, два деревянных гребня и набор железных игл в деревянном футляре. На внешней поверхности сосуда сохранилась иероглифическая надпись с названием изготовившей его мастерской (рис. 12). По мнению проф. М. Пираццолли-Серстевенс, сосуд был сделан в императорской мастерской Каогун в ханьской столице Чанань; надпись начиналась с иероглифов «чэньюй» («изготовлено для императора»). Особенности начертания иероглифов и стиль орнамента позволяют считать, что сосуд был изготовлен между 8 г. до н.э. и 4 г. н.э. [Пираццолли-Серстевенс, 2008].

Находки из восточного и западного наружного коридоров практически аналогичны. В северной части коридора обнаружено скопление полностью окисленных железных предметов, вероятно, удила, псалий, пряжек. Погребальная кукла (кукла 3), лежавшая в середине восточного коридора южнее деталей сруба, была смоделирована так же, как и куклы из

западного наружного коридора. Череп куклы практически полностью сгнил. В области черепа лежало несколько кос из жесткого черного волоса. На кончиках кос прослеживались бирюзовые, стеклянные и янтарные бусинки. Конечности были смоделированы из деревянных лакированных палочек. В области шеи справа и слева от черепа зафиксированы остатки двух круглых подвесок из дерева, покрытых лаком. Не исключено, что эти подвески были изготовлены из стенок деревянных лакированных чашечек. На поясе куклы 3 находились две широкие окисленные железные пряжки размерами 19×12 см. За головой куклы обнаружены остатки деревянного предмета (возможно, шкатулки), на них – маленький берестяной туесок и крупный фрагмент китайского зеркала (рис. 13).

Южнее куклы 3 в восточном коридоре – 2-метровое было свободное пространство, за ним находились кости стоп человека. По всей вероятности, здесь лежала еще одна кукла (или труп человека), которая практически полностью была извлечена грабителями. В юго-восточном углу коридора под смещенными бревнами наружной камеры обнаружены окисленные железные бляшки.

Южный наружный коридор был полностью перекрыт смещенными бревнами камеры и сруба. На-

ходок в коридоре не было, лишь на стенках наружной камеры с внутренней стороны фиксировались мелкие кусочки шелка и остатки шерстяного ковра. Находки в северном внутреннем коридоре, полностью разрушенном грабителями, отсутствовали.

В западном внутреннем коридоре у юго-западного и юго-восточного углов гроба зафиксированы только два бронзовых поручня гроба. Поручни длиной 40 см и

Рис. 12. Фрагмент иероглифической надписи на лакированном сосуде.

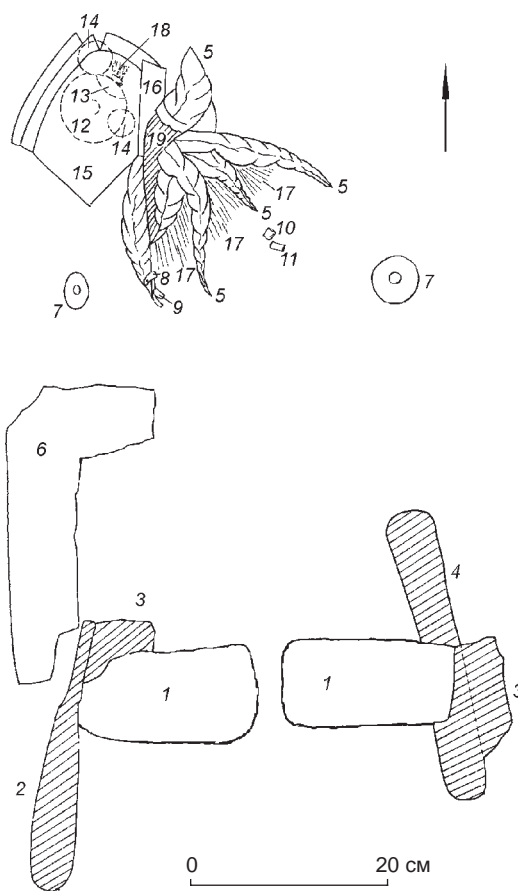

Рис. 13. План расположения куклы 3 (восточный коридор).

1 – железные пряжки; 2 – железная пластина, покрытая красным лаком; 3 – пластинки из засохшего красного лака; 4 – деревянный предмет, покрытый красным лаком; 5 – косы; 6 – фрагмент одежды (?); шерстяная ткань и органический материал – мех или войлок; 7 – подвески из стенки деревянной лакированной чашечки; 8, 10 – бирюзовые бусины; 9 – стеклянная бусина; 11 – янтарная бусина; 12 – фрагменты бронзового китайского зеркала; 13 – берестяная подкладка зеркала; 14 – берестяные сосудики; 15 – фрагменты деревянной лакированной чашечки; 16 – кусочек войлока; 17 – волосы; 18 – деревянный гребень; 19 – кусочек шелка.

Рис. 14. Серебряный фалар – украшение конской сбруи.

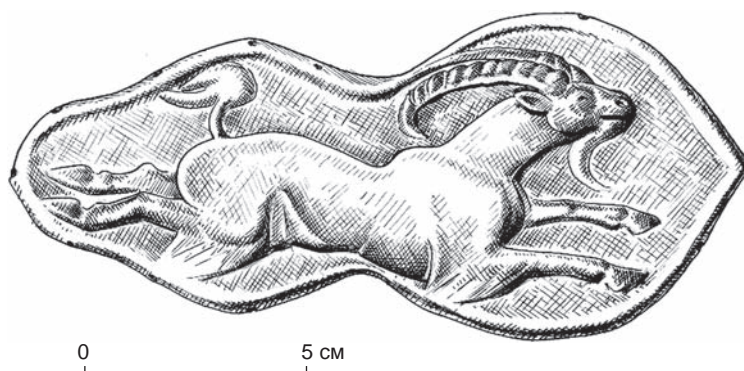

Рис. 15. Бронзовая бляха с изображением горного козла в прыжке.

Рис. 16. Золотые пронизки, сосудик и фрагменты меча внутри гроба.

Рис. 17. Золотая пряжка с изображением «сатира».

диаметром 4 см цилиндрической формы, с небольшими утолщениями на концах.

В восточном внутреннем коридоре остатки инвентаря сохранились только в южной части; северная часть коридора была разрушена при сооружении южного грабительского хода. В юго-восточном углу коридора обнаружено скопление окисленных железных предметов, среди которых можно предположительно различить удила, псалии, а также несколько железных трехперых наконечников стрел. Далее к северу вдоль стенки сруба находились два серебряных фалара с изображением горного козла (рис. 14). Западнее фаларов лежал целиком сохранившийся деревянный посох. Его длина 153 см, диаметр 4 см; окончание посоха плоское, навершие выполнено в виде резного шара. Посох покрыт темно-коричневым лаком с орнаментом в виде коротких волнистых линий, нане-

сенных красным лаком. Под рукоятью посоха лицевой стороной вниз лежала бронзовая бляха с изображением горного козла в прыжке (рис. 15). Ниже посоха найдена деревянная лука седла. Она состояла из трех пластин трапецевидной формы, лежавших в виде буквы П. На коротких сторонах пластин имелось несколько отверстий для скрепления пластин между собой. Ниже луки седла под слоем разложившейся кожи – фрагменты серебряных блях с изображением козла в прыжке, идентичным изображению на бронзовой бляхе. Около нижней части посоха найдены коса из плотного волоса каштанового цвета и лакированная деревянная чашечка, рядом с которой лежал небольшой железный черпачок.

В юго-восточном углу южного внутреннего коридора обнаружены плоское железное кольцо и две железные скобы.

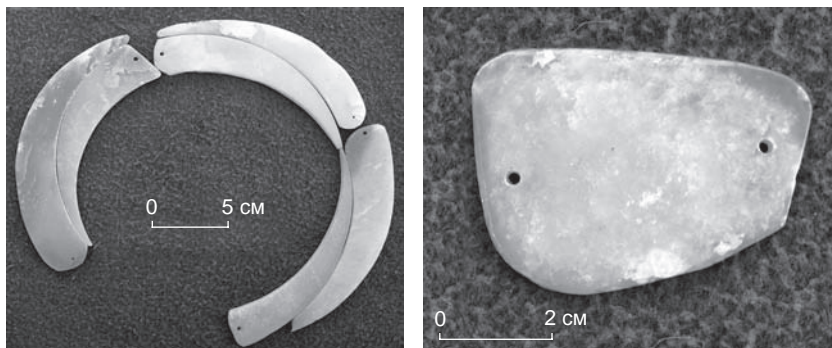

Рис. 18. Диадема и пластина из белого нефрита.

Как отмечалось, северная часть гроба была разрушена южным грабительским ходом. У северо-восточного угла гроба, с наружной стороны, лежала верхняя часть черепа козла, покрытая серебряной фольгой. В сохранившейся южной части гроба найдены остатки покрытия из органического материала (войлок или спрессованный мех). После расчистки этого покрытия в центре гроба у края грабительского хода были обнаружены две золотые пронизки с изображением горного козла, маленький сосуд из золота грушевидной формы также с изображением горного козла (горловина сосуда закрыта деревянной пробкой) и остатки ритуального меча в деревянных лакированных ножнах. Изображения животного на пронизках и сосуде полностью аналогичны. Голова и ноги козла изображены рельефно, глаза, туловище и хвост показаны бирюзовыми вставками (рис. 16).

У южной стенки гроба находились две пряжки из железа, покрытые золотой фольгой. Прямоугольные наконечники ремешков из железа, также с золотой фольгой, лежали между пряжками. Пряжки размерами 7,5×5,0 см имеют форму усеченного овала. На лицевой стороне пряжек видно изображение мистического существа, которого условно можно назвать сатиром. Морда «сатира» показана рельефно, глаза, брови и усы исполнены в виде агатовых вставок, основания рогов и заколка в волосах подчеркнуты бирюзовыми вставками. В пасти одного «сатира» сохранились остатки ремешка из ткани (рис. 17).

На границе грабительского хода и разрушенной части гроба найдены фрагменты диадемы из белого нефрита и обломки пластин с отверстиями (возможно, от парадного панциря) также из белого нефрита (рис. 18).

Типология погребального инвентаря, наличие фрагментов ханьских зеркал в заполнении могильной ямы и в инвентаре кукол, особенности надписи на

лакированной шкатулке, а также сведения письменных источников позволяют датировать комплекс № 7 в пределах I в. н.э., вероятно, первой его половины. Учитывая большие размеры кургана, монументальность погребальной конструкции, а также обилие среди инвентаря (несмотря на то, что объект дважды подвергался разграблению) престижных золотых, серебряных и лакированных предметов, можно предположить, что в кургане был захоронен один

из представителей высшей знати сюнну, возможно, один из сюннских вождей (шаньюев).

Список литературы

- Давыдова А.В. Иволгинское городище. – СПб.: Фонд «Азиатика», 1995. – 93 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 1).
- Давыдова А.В. Иволгинский могильник. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. – 176 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 2).
- Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс памятников у села Дурёны. – СПб.: Фонд «Азиатика», 2003. – 164 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 5).
- Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. – 1985. – Вып. 184. – С. 21–27.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Европ. дом, 1998. – 223 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 3).
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – СПб.: Дм. Булавин, 2002. – № 9. – С. 86–118.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьское зеркало из могильника Царам // Зап. ИИМК РАН. – СПб.: Дм. Булавин, 2006. – Вып. 1. – С. 77–82.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. – М.: Наука, 2007. – Вып. 14. – С. 130–140.
- Пираццолли-Серстевенс М. Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // Археологические вести. – М.: Наука, 2008. – Вып. 15. – С. 71–73.
- Талько-Гринцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. – СПб.: Фонд «Азиатика», 1999. – 123 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 4).

Материал поступил в редколлегию 10.06.08 г.